

сосуду относит уже к 3-й стадии. Основанием для этого ему служит сходство зашипов, украшающих плечи сосуда, с подобными же приемами орнаментации на очажной керамике из Кисловодска, которая, по С. Н. Замятину¹, должна датироваться ранней стадией кобанской культуры. Но в том-то и дело, что бронзовый инвентарь из каменных ящиков Кисловодска оказывается типичным не для ранней Кобани, а для поздней: стадии ее развития, и связывать с ним очажную керамику невозможно. Нигде в кобанских комплексах такой керамики мы не знаем; находки же ее в степных районах в окружении более ранних материалов (Грозненская область) позволяют относить ее к докобанской стадии местной истории.

Таким образом, сравнительно поздний характер впускных погребений (№ 2 и 5) кургана № 4 не подлежит сомнению. Это подтверждено стратиграфией кургана. Но вряд ли они были совершены намного позднее основных погребений.

Работа вызывает и ряд частных замечаний:

1) Усложненная нумерация материала (и литерная и цифровая) несколько затрудняет усвоение текста. 2) Нельзя признать удовлетворительным разрез слоев кургана № 4 (рис. 22) в виде столбика. Подобный прием допустим только в геологической литературе. 3) Упорное упоминание никогда не существовавших населенных пунктов Северной Осетии, как «Фаскау», «Рутха», по известным могильникам (стр. 250, 257, 268). 4) Автор следует старой традиции—все неясное связывать с культом и называть «магическим» (стр. 283, 284).

Работа Б. Е. Дегена богато иллюстрирована рисунками и чертежами. Кроме того к ней приложено 20 таблиц, в том числе 2 таблицы на меловой бумаге. Очень интересна карта «Распространение памятников II стадии Кабардино-Пятигорья» (рис. 41 на стр. 268).

Последняя статья—А. В. Мачинского «Кабардинские курганные погребения в окрестностях г. Нальчика» является отчетом о раскопках 2 курганов. В ней подробно описывается найденный могильный инвентарь. Автор ограничивается тем, что связывает его с кабардинцами и датирует XIV—XVI вв. н. э.

Все статьи рецензируемого сборника сопровождаются резюме на французском языке. За исключением нескольких неудачных клише, книга хорошо оформлена.

Рецензируемый сборник, вводящий в научный обиход материал первостепенной важности, в значительной степени облегчает задачу изучения древностей не только Северного Кавказа, но всего нашего юга.

В этом его научное значение.

Е. Крупнов

TORNGY SÄVE-SÖDERBERGH, The Navy of the eighteenth Egyptian dynasty, «Uppsala Universitets Arsskrift», № 6, 1946, 94 стр.

Основной задачей рецензируемой книги шведского египтолога является уничтожение пока еще достаточно распространенных в науке сомнений в мореходных способностях египтян. И этой цели она достигает.

Данные, использованные автором в его сравнительно небольшой работе, большей частью уже были отмечены в литературе; но, будучи собраны воедино, систематизированы, а кое в чем и по-иному интерпретированы, они дали возможность иначе осветить весь вопрос в целом. Значение работы увеличивается благодаря тому, что автор помимо данных времени XVIII династии, которому собственно посвящена книга, использовал в ней все сведения, относящиеся к предшествовавшим периодам египетской истории, равно как большинство материалов, известных для всего Нового царства.

Книга распадается на четыре главы: 1) «Плаванье по Нилу и войны в Нильской долине»; 2) «Экспедиции в Пунт»; 3) «Морская активность в восточном Средиземноморье» и 4) «Организация и состав флота».

¹ ИГАИМК, вып. 109, рис. 206, стр. 223.

Наиболее краткой является первая глава. В ней автор стремится доказать, что в борьбе Египта с гиксосами важное значение имел речной флот, без которого «завоевание Нубии, начатое Яхмесом I, никогда не было бы совершено» (стр. 5). В свою очередь захват Нубии и превращение ее в египетскую провинцию послужили толчком для дальнейшего развития судоходства: Нильские пороги, затруднявшие ранее судоходство, были пересечены каналами, и большие корабли, груженные различными продуктами Нубии, могли теперь беспрепятственно плыть по Нилу, начиная с четырех порогов вплоть до Средиземного моря.

Во второй главе (стр. 8—30) собраны и изложены в последовательном порядке все данные о связях Египта с Пунтом, начиная с Древнего царства вплоть до XX династии. При этом автор не пытается разрешить до сих пор еще не ясную проблему местонахождения этой загадочной страны (хотя некоторые возможности для этого, как я надеюсь показать в отдельной статье, все же имеются), а ограничивается изложением существующих точек зрения, по которым она локализуется на африканском побережье к северу, то к югу от Баб-эль-Мандебского пролива (сам он склоняется к первой точке зрения).

Интерпретируя собранные им данные, автор стремится доказать, что известная экспедиция в Пунт, имевшая место в царствование Хатшепсут, «переоценивается из-за пропаганды» самой царицы, тогда как на самом деле «экспедиции в Пунт были более или менее обычны» (стр. 29). Это предположение автора построено на ложных основаниях. Оно обосновывается тем, что предшествовавшие поездки в Пунт носили частный и неофициальный характер, а потому, дескать, нельзя, исходя из отсутствия сведений о них, говорить о том, что сношения с Пунтом были случайны (стр. 13); с другой стороны, автор полагает, что Хатшепсут за отсутствием во время ее царствования значительных событий чрезмерно рекламировала посланную ею экспедицию в Пунт (стр. 16—17). Однако надписи на храме Хатшепсут писались для современников и потомков царицы, которые, конечно, весьма иронически восприняли бы описание обыденного, по мнению Сэве-Седерберга, события, как чуда.

Столь искусственное толкование экспедиции Хатшепсут понадобилось автору для того, чтобы сделать как можно более убедительными два положения, к которым он приходит в конце второй главы: 1) «мы должны будем больше оценивать древних египтян как моряков и активность египетского мореплавания» (стр. 29) и 2) «торговая по большей части Красного моря была преимущественно чисто египетского характера» (стр. 30).

Эти выводы, в достаточной мере подтверждаемые остальным привлеченным автором материалом, подводят читателя к третьей главе (стр. 31—70), занимающей центральное место в концепции книги. В ней собраны данные, свидетельствующие о морской активности Египта в восточном Средиземноморье.

Автор указывает, что, хотя связи Египта с Сирией и Палестиной археологически засвидетельствованы еще для додинастического Египта, не говоря уже о времени Древнего и Среднего царств, морские сношения с этими краями были лишь эпизодическими. Прочными они становятся, по его мнению, начиная со времени Тутмоса III, который в своих планах разгрома Нахарина (отождествляемого некоторыми учеными с Митанни) отводил флоту большое место. Этим объясняется то, что уже во время первых своих походов в Сирию и Палестину Тутмос III создавал в захваченных им прибрежных городах свои морские базы. При этом автор вполне обоснованно возражает против распространенного еще мнения о том, что уже в это время сирийцам принадлежало ведущее место в судоходстве по восточной части Средиземного моря. Автор справедливо указывает на то обстоятельство, что если бы дело действительно обстояло так, то в составе дани, полученной Тутмосом с покоренных им приморских городов, обязательно были бы корабли, а не корабельный лес. В самом деле, как можно иначе объяснить такие факты, что в одной и той же надписи Минмеса сообщается о получении Тутмосом III в виде дани с Нубии кораблей, а с Сирии строительного леса? Если бы сирийцы уже в это время обладали сколько-нибудь значительным флотом, то вряд ли Тутмос III нуждался бы в собственных кораблях для вывоза дани из Сирии—он ее вывез бы на сирий-

ских же кораблях. Разве в таком случае была бы надобность Тутмесу III перед походом на Нахарин строить на сирийском берегу корабли для плавания по Евфрату?—гораздо проще было бы перетаскивать готовые сирийские корабли.

Только однажды анналы Тутмеса III (от 29 г.) сообщают о захвате двух сирийских кораблей, причем—и это весьма характерно—все внимание записи уделено не описанию кораблей, а их грузу.

Возможность для развития значительного сирийского мореплавания появляется только в конце XVIII династии, когда внимание Египта было поглощено внутренними делами; именно после этого периода, полагает автор, египетский флот в восточном Средиземноморье утрачивает свое бывшее значение.

Последняя глава, посвященная организации флота и его составу, строится главным образом на разборе званий, которые носят моряки. Скучность сведений лишила автора возможности дать сколько-нибудь связанную картину организации флота, равно как социальную характеристику его личного состава. Тем не менее ему удалось сделать некоторые любопытные наблюдения. К их числу относятся сведения о специальной одежде гребцов, приспособленной к их обязанностям, разрозненные данные о численности экипажа кораблей, наличии собственных флотилий у разных храмов и ведомств и др. Наиболее же интересны приведенные данные о том, что гребцы и низшие офицеры флота получали за свою службу земельные наделы, остававшиеся в семье в том лишь случае, если после смерти отца морскую службу нес его сын. Только в исключительных случаях, в силу особого царского указа, морской офицер, переходя на гражданскую службу, сохранял свой надел.

Таковы основные положения разбираемой книги. Досадно, что автор не посвятил особой главы разбору технических особенностей египетских кораблей: это подтвердило бы его утверждения о самобытности египетского мореходства.

Проф. И. М. Лурье

ERIK IVERSEN, Two inscriptions concerning private donations to temples. Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab, Historisk-filologiske Meddelelser, XXVII, 5. København, 1941.

Обе надписи, явившиеся предметом исследования автора, уже известны в науке¹, однако они до сих пор оставались неизученными.

Первая из них, стела Каирского музея № 45327, относящаяся ко времени Осоркона II (XXII дин.), содержит текст дарственной на земельный участок в 42 *ртп* (несколько больше 4,2 га). Дарение облечено в форму соглашения между дарителем и богом: последний путем оракула выражает свое согласие на предлагаемое дарителем условие—обеспечение «вечного» заупокойного культа в вознаграждение за передаваемый храму земельный участок.

Вторая надпись—на копенгагенской статуе—датируется временем Псамметиха I (XXVI дин.) и содержит обращение к жрецам, в котором им напоминает о том, что они должны приносить жертвы и молиться за владельца статуи, ибо он подарил храму для этой цели 60 арур земли (около 16 га).

Автор в своей работе воспроизводит тексты обеих надписей, исправляя при этом допущенные в прежних изданиях ошибки, дает перевод этих трудных, вследствие лапидарности, текстов и комментирует отдельные встречающиеся в них выражения и термины.

¹ Стела Каирского музея № 45327 издана G. D a r e s s y в «Annales du Service des Antiquités de l'Egypte», т. XV (1915), стр. 141 сл.; Надпись на статуе Копенгагенской Glyptotjek Ny Carlsberg E. 78 издана O. K o e f f o e d - P e t e r s e n, Recueil des Inscriptions Hiéroglyphiques de la Glyptothèque Ny Carlsberg, «Bibliotheca Aegyptiaca», VI, Bruxelles, 1936, стр. 13.